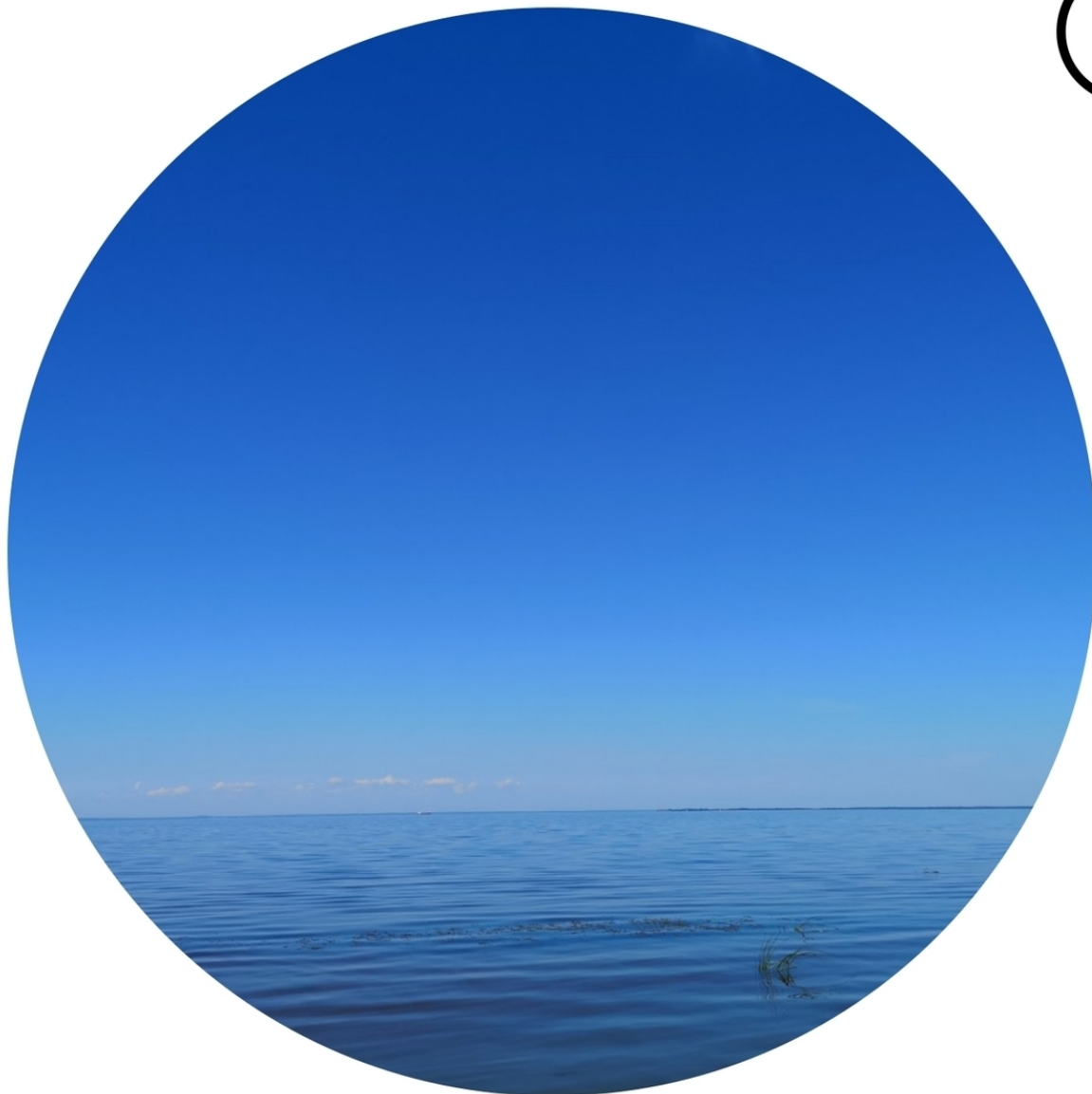

Илья Лавров

16+

Сказание с запахом ненависти

Сборник рассказов

Илья Лавров

Сказание с запахом ненависти

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Лавров И.

Сказание с запахом ненависти / И. Лавров — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Новые истории от автора детективного триллера "Черно-красная книга вокруг". Да, эпатажно. Да, не рекомендуется читать молодым людям, плохо знающим историю. Да, может затронуть ваши самые светлые чувства и поколебать их, но это уже неплохо, сомневаться надо всегда. Перед вами криптологическая повесть, написанная побежденными. Историю пишут не только победители, доходят и другие голоса. У ненависти есть, есть свой запах! Кроме того, в сборнике представлены лучшие рассказы автора, порой смешные, порой грустные, но всегда искрометные и впечатляющие.

Содержание

Сказание с запахом ненависти	5
Сказание	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сказание с запахом ненависти

Повесть

Предисловие

Это «Сказание» давно вызывало у специалистов различную реакцию, но в одном все они сходятся: ни единого положительного отклика, а от их устных замечаний так и несет ненавистью.

Филологи, к примеру, в один голос заявляют, что это поздняя подделка. Первые же строки «Сказания» ввергают их в ужас: «Как можно каламбурить: враг – варяг!» Дальше – лишь сплошное возмущение. Филологам кажется, что перед ними стилизация под «Повесть временных лет» или русский героический эпос, они тут же находят множество несоответствий, ошибок, анахронизмов и даже просто выдуманных слов.ф

То же и археологи. Эти авторитетно уведомляют по другому поводу, цитирую: «Как свидетельствуют археологические данные, в IX веке Новгорода не существовало». Отсюда категоричное неприятие «Сказания». Однако никто не отрицает тот факт, что Киев тогда уже был, хотя, цитирую там же: «К сожалению, археологические остатки города Киева IX века остаются не обнаруженными». Вот так: категоричное «не существовало» и «к сожалению».

Если что-то кому-то неизвестно, то не значит, что этого не было. Мартышка тоже не знала, зачем нужны очки.

Более объективными старались быть историки, давно уже уверенные в недостоверности и предвзятости ранних русских летописей и главной из них – «Повести временных лет». Отбросив все чудесное, историки пытались сравнить голые факты «Сказания» с фактами в других летописях, в том числе таких же не вызывающих доверия, как, например, «Иоакимовская». Самые смелые и прогрессивные из них даже использовали фрагменты «Сказания» в своих работах – увы, без ссылок на источник.

Но у всех специалистов вывод был общий: «Лучше этого не знать». И самое главное – ни одной письменной рецензии так и нет. Историки, филологи, археологи, этнографы, знакомясь со «Сказанием», дружно делают вид, что ничего об этом не знают.

Выше я не оговорился – «Сказание» уже давно бродит по свету. Первые упоминания о нем (естественно устные) известны с XIX века. Уверен, более ранние свидетельства до наших дней просто не смогли дойти. Но формула «лучше этого не знать» подразумевает и действие: то и дело всплывающее «Сказание» с ненавистью уничтожалось.

Известно, рукописи не горят. «Сказание» больше, чем что-либо, способно к возрождению. Вот и ко мне оно пришло в виде странных идей и чудесных догадок. Сомнения, конечно, были, как и у других. И главное из них – до каких пор можно зайти в кощунстве, сколь сильно можно попирать святыни. Но как быть с Совестью, если видишь, что святыни-то с душком! Как объяснить поступки основателя княжеского рода Рюрика, святых княгини Ольги и князя Владимира, других героев «Сказания», всей христианской церкви, наконец? Или будем и дальше ничего не замечать?

Первое время я старался перепроверять все многочисленные разночтения «Сказания» с официальной историей. Перелопатил кучу трудов и монографий. И в, казалось бы, очевидно спорном моменте всегда находилась какая-то туманная зацепка, которая тут же вызвала сомнения в истории официальной. Ближе к концу я доверился «Сказанию» и уж тем более отложил в стол свои многочисленные примечания, объясняющие, растолковывающие, предполагающие. Пусть занимаются этим другие, ищущие, сомневающиеся, а я очарован правдой «Сказания», хотя бы она и была литературной.

Потому, отбросив прежнюю формулу, я вооружился другой: «Если мы этого не знаем, то не значит, что этого не было». И еще тут же возникла одна, старая, многими забытая: «Если этого и не было, то вполне могло бы и быть». Я твержу эти формулы и пишу, пишу то, что приходит ко мне – куда? – в душу невиданным, чудесным, как само «Сказание», способом. Откуда? – наверное, из глубины веков. Я читаю средневековую мысль и пишу своим языком (не избежав, естественно, некоторой стилизации), чтобы речь моя была понятна не только специалистам, доселе хоронившим правду «Сказания», но и обычным ищущим истины людям. Это, кстати, и позволяет мне поставить над названием свое имя.

И.Л.

**Сказание
о племенах славянских,
ставших русскими,
о русах рыжебородых,
о кагане их, Рюриге-воителе,
о Вольхе Всеславиче Вещем,
о Святогоре и жене его Ольге-змее,
о Святославе-освободителе,
да о трех братьях:
Владимире, Ярополке и Олеге,
и о том,
как не совладали они
с запахом ненависти**

А прозвали их издревле вороги, а еще величали их враги, или вряги, или варяги. Совершали они набеги на земли славянские, и были те набеги стремительны да опустошительны, да кровавы. На попутных ночных ветрах в своих легких стругах подходили варяги к городам, едва славяне сонные успевали затворить ворота да взобраться на стены – нападения ждали. А врагам того и надо, об осаде и не помышляют, грабят веси окрест и с добычею убираются.

Да одною ночью темной появились они опять неожиданно, но остались уже навсегда. Некий муж-гостомysl передал им город Ладогу: напоил охрану вином невиданным, терпким, кислым, коим того гостомысла иудеи хазарские одарили, усыпил охрану речами сладкими. Одних весей на разграбление в этот раз, видно, врагам было мало. Захватили они город, пожгли, пограбили, да убраться, как раньше бывало, не пожелали. Поутру собрали всех жителей, разделили, разлучили дитя с матерью, мужа с женою. Всех ребят от мала сосунка, да мужчин – кто посильней, да женщин – кто пригожей передали хазарским иудеям в рабство. Те всегда по такому случаю рядом: где варяг – там и хазарин, где волк – там и ворон. Поделили они загодя славянские земли: север – врагам, юг – иудеям хазарским. Загнали иудеи полоненных на свои торговые корабли да убралась в земли итильские.

А перед оставшимися, старыми да убогими, вышел вперед варяжский воин и такую речь молвил:

— Жили вы вольно, да бездумно. Не было у вас силы, теперь мы будем вашей силою и защитою. Были среди вас богатые, были бедные, теперь все равны будете. Не было у вас головы, теперь я буду за вас думать. А зовут меня Рюригом Ютландским. А друзей моих зовут фрусы. Вы же будете нашими рабами – фрускими, и земля эта будет прозываться фрускою землею.

Снял шелом он и воздал хвалу своему богу Перуну. И другие шелома сняли. Были все они, как один, с рыжими бородами да темными и светлыми волосами.

Звали-то они себя фрусами, но не мог язык славянский этакую фрю во рту сложить. Нарекли их русами, а они и непротив. Потому тот парень, у кого по зрелости борода рыжая выбивалась, а на затылке волосы не рыжие, прозываться стал русым. Развелось таких, как срок прошел, много по весям, ибо русы те, вороги, пришли к нам без женщин, коих бросили на

неведомом острове. А славянки без мужей-защитников от охочего до сладостей руса оборониться не сумели – понесли все как одна.

Иудеи – не будут они к ночи помянуты – пришли во Хазарию со своими иудейскими женами, да с обычаями своими, да со своим богом. Стали править они в той стороне, и хазарам-мужичью до собственных до жен касаться запрещали. А коль сами хазарочкой молодой пользовались, так дите ее в рабство продавали. И о боге своем иудейском хазарам не поведали, жили закрыто, обособленно.

А рус и жен и обычаи забыл, полюбил славянку, изучил язык наш, а про свой забыл. О детях зачатых не помнил, их воспитывали матери, как хотели, по-старому. Растворился варяг во славянской земле, хоть сменил он ее название, лишь у власти еще кровь фрусская оставалась.

Перуна, бога своего тоже забывать стали, да не сразу. Этого страшили, коим только детей пугать, поставили вороги во главе славянского капища. Вы, мол, русские, русов рабы, вы под нами ходите, так и ваши боги будут нашему кланяться. Что ж, славянам не впервой, наше капище для всех богов открыто. Кто придет к нам с душой нараспашку да со своею капью, всяк был вправе любому богу молиться. У нас издревле стояли идолы, издалёка к нам пришедшие: и Мокошь, и Семарогл, и Буда, и Христа доска. Всяк кто хочет, тому и кланяется. Поклонились славене и Перуну, мол, добро пожаловать. Да сама мать сыра земля воспротивилась: как наступит ночь, выплюнет его, вкопанного. Вороги лютуют, обижаются. Думают, то тати ночные тешатся, богохульствуют. Да как тут потешишься, если сами варяги осьмером идола в яму ставят – сколь народа надо, чтоб его вытащить!

Обеднела Ладога быстро. Славянин, кой силен был и с сохой дружен, угнан в рабство, славянка на сносях, а рус к работе не приучен, палец о палец не ударит, норовит не нажить, а повоевать. Сидит, пирует, Перуну хвалу воздает. Голодно стало. Запасы вороги поели, скот перерезали, осталось после скота одно сено впрок, еще живыми мужьями заготовленное. Делать нечего, начали славянки есть то сено, чтоб не выкинуть из чрева ребенка, а потом, как лето, на травку перешли, чтобы молоко не пропало. Как же те коровенки да козы жуют, молоко дают, детенышей своих кормят, и ничего им больше не надо? По весне родилось у каждой убогой, больной жены по чудо-младенцу, силачу, защитнику. И прозвали их, понятно, русичами. И росли они не по дням, а по часам, да разуменье у них оставалось телячье, ибо матери их сено да траву ели.

А тем временем и в каганских хоробах у Рюрика красноносого еда-питье закончились. Опустели окрестные веси за год, нечего стало грабить. И решил Рюрик со дружиною, как лед с рек сойдет, идти на Новгород.

В Новагороде давно его ждали, ополчались. Воеводою выдвинули Вадима Хороброго, взял он ополчение и пошел врагу навстречь. Выбрал место на Волхве-батюшке, где поглубже, да и перегородил реку ладьями. Напоролись вороги на тяжелы рогатины славянские и убрались восвосяси. Гнал их струги Волхов-батюшка до самой Ладоги.

Тут уж поняли русы, что на их силу есть и у славян своя силища. Новгород – лакомый кусок, да зубами его не ухватить. Поразмислил Рюрик – кушать-то надо, да пить-гулять – пошел на Белоозеро.

На Белоозере к битве готовились, да вот только ждали еще хазарских купцов. Те всегда мимо путешествовали: обойдут все земли западные, наторгуют, наворуют и в Итиль возвращаются. Вот плывут корабли хазарские, издалека полотнищами машут, мол, встречайте товар, да свой на обмен готовьте. Достали славяне меха теплые, невесомые, да деготь, без коего ни одна хазарская телега не едет, да про хлеб, про соль не забыли – встречают купцов-путешественников. А у тех, откуда ни возьмись, луки в руках, в луках стрелочки каленые, на головах шеломы острые, а бороды огнем так и горят. Варяги! Надоумили их хитрые хазарские купцы,

одолжили свои корабли за немалую долю добычи. Вот и пал город Белоозеро – и ворота не успели закрыть.

Еще год пировал Рюриг-кровопийца. Подминал под себя и мерю, и весь, и чудь заволочскую. Несли дань ему и скотом, и хлебом, и медом, и красными девицами. Был тот Рюриг охоч до девиц. Мог не спать он семь дней, семь ночей и меча из рук не выпускать – с противником биться. Да зато мог не спать он тринадцать ден и ночей – с девицами забавляться. Была силища в нем такая невиданная, что поднимал он лошадь за гриву и хвост, или выпивал бочку меда в один присест. Опасались Рюрига его друзья-вороги: как начнет он гулять-пировать, ну, как выпьешь столько же – тут же брюхо может лопнуть. А коль равный Рюригу рыжебородому в силе сыщется, вызывал он того силача бороться, и борол, и душил руками голыми.

Так гулял-пировал Рюриг красноносый, да о Новгороде-обидчике не забывал. Минул год во пирах, во похмелье, по весне снова вороги пошли к Ильмену. Воевать им понравилось хитростью, посылают впереди себя лазутчиков. Прибежали лазутчики в Новгород, разнесли весть среди жителей, мол, идет опять на вас Рюриг Яростный, с ним дружина его силы неслыханной. Вот уж струги вошли в Волхов-батюшку и идут супротив течению. Собирайте войско, славяне, пусть берут мечи да рогатины все мужчины и все юноши, а не то погубит нас Рюриг. Вот ударили Новгородцы в колокол, собрался весь народ на битву. Но слышны были и другие голоса:

— Покоримся, славене, Рюригу! Отдадим дань ключами городскими. Авось будет тот каган хорошим правителем.

Тут и вышел вперед Вадим Хоробрый, молвил голосом громовым:

— Аль не мы вместе с вами варягов били? Так не уж то опять не разобьем? А как станет выбор в третий раз, так тогда и думу будем думать.

Согласились славене Новгородские: три-то раза победа будет наша. И избрали они Вадима воеводою, и пошли за ним ополчением.

Вот как в прошлый раз встали славяне запрудою на реке, ждут-пождут варягов. Показались вороги, да славян на этот раз заметили. Свои струги легкие, резьбою украшенные, от славянских ладей в двух полетах стрелы оставили и давай браниться-бахвалиться. А славяне давай им в ответ ругаться. Долго ль, коротко ли, тут кричат вряги:

— А вы, лапотники, вниз посмотрите.

Посмотрели славяне вниз, а там батюшка Волхов под ладьями красен течет. Что за диво? – славяне думают.

— А теперь вы, лапотники, вверх взгляните, – им со стругов кричат.

Смотрят, а по небу с новгородской со стороны тучи красные ветер гонит.

Невдомек славянам было, что на стругах вражеских только кормчие да гребцы, да пустые шеломы из-за бортов выставлены. А сами вражьи воины, давно уже на берег высадились, обошли войско новгородское лесочком и город без боя одною хитростью взяли. Как увидели вороги детей беззащитных, да дев младых, да стариков немощных – рассвирепели, пустили кровушку славянскую по новым улицам. Потекла кровушка в Волхов-батюшку. Брызгала кровушка из жил юных, до облаков достала. Зарумянились облака, набухли влагой, и пошел над ополчением новгородским, без брани проигравшим, красный кровавый дождь.

Бросились новгородцы к своему городу. Да куда там – ворота закрыты, а на стене Рюриг рыжебородый стоит, насмехается. И не рот у него – яма черная посеред бороды.

— Выходи на честный бой! – Вадим его кличет. – Или только стариков и малых деток можешь резать?

А злодей хохочет да по-прежнему измывается. Привели ему дочь Вадимову. Оголил Рюриг меч свой обоюдоострый, занес над девою острием вниз. Подняла она голову, закричала от страха, тут вонзил ей враг меч меж уст по самую рукоять, убил крик на излете. Полетел крик раненный и упал со стены к ногам батюшки.

Разъярился Вадим, ополчение на стены бросил. Разве думали-гадали, когда строили Новый город, что самим придется его осаждать. На воротах городских доспехи да щиты варяжеские от былых новгородских побед. Били в них – одной яростью пробили. Ярость тверже бревна-тарана. Дрогнули ворота, не выдержали. Хлынула из проруба кровь, что в городе засто-ялась. А за нею по колена в той крови вороги выскочили. И была сеча под красным дождем. И кто раненный падал, тот в крови топ. И побило много и тех и других, и снесло трупы кровавым потоком в Волхов. Принял он на дно успокоившихся, вскипел, да делать нечего – понес воды красные, как и прежде.

Во ту пору проплывали по Ладоге-озеру иудейские купцы. Почуяли кровь, свернули в Волхов – как же не поживиться. Дошли до Новгорода, смотрят, Рюриг Яростный последних новгородцев добывает.

— Ты по что, – они ему молвят, – товар ценный портишь, детей режешь. Знал бы ты, русский хаган, сколь те дети стоят, разве стал бы их убивать. А продай-ка их нам – будет тебе выгода.

Иудеям Рюриг отвечает:

— А пошли-ка бы вы туда, откуда пришли. Не отдам ни одного ребенка. Эти дети новгородские в рабстве выживут, да потом вернутся за моей головой. Эту поросья я лучше уничтожу и взращу свою, новую, фрусскую. Будут славить они меня, своего прародителя.

И давай дальше новгородцев резать. Это сказка недолго сказывается, это дело праведное быстро делается, а попробуй-ка поди весь город изничтожь. Долго ли, коротко, справились варяги, никого не оставили в Новгороде. Лишь один мальчонка схоронился, просидел три дня в отхожем месте, в яме, куда мать его украдкой бросила, да велела не вылезать. Прово-нял малец дерьмом, пропитался, да с дерьмом хлебнул и ненависти. На четвертый день, когда резня утихла, тот мальчонка из города выбрался и пошел, куда глаза глядят. Впереди него дух дерьмовый, запах ненависти летит. Как почуют в весях дальних тот дух, знают: то идет-бредет малец новгородский, что единственный из всего города выжил. Подают ему, кто что может: кто – краюху хлеба, кто – молока, он же дальше на своих ноженьках кривых ковыляет.

А Рюриг бессердечный вокняжился в Новагороде. Дань теперь ему платили и славене, и кривичи, и мурома. Никому во век не перепить, не переесть столько, а он со своей дружи-нушкой умудрился. Оскудела и здесь славянская земля. А где хлынет кровавый дождь, там и вовсе вместо полей болота. Славянину что поделать? Корчуй лес рядом, да пока выкорчуеться, землю обработаешь, урожая дождешься – смотри не подохни.

Пил-гулял Рюриг, вдруг возьми и свали его хвороба странная. Сперва жажда на него набросилась: сколь не пьет – в глотке сухо, еще пить хочется. А потом вдруг потучнел изверг за одну весну, весь покрылся струпиями вонючими, уж и сам не рад, что солнышко видит. Тут прослышал волхв Олег, соратник Рюригов, про того новгородского мальчика, кой скитался по весям славянским. Сразу понял Олег Всеславич – тот мальчонка может кагана выпользовать. Привести надо мальчика, чтоб убил его каган Рюриг, и мальчишьей крови напился – вот тогда и жажде конец. Бросились варяги ребенка искать, да никак его не схватить. Вот вчера здесь был, запах ненависти еще остался, а сегодня уже там. Лютуют вороги, убивают тех, кто мальчика видел, а самим его не догнать.

Так и сдох изверг. Справили тризну богатую, закопали прах и холм сверху насыпали. Да прилетела на тот холм стая воронов и давай клевать сырую землю, на живых горе кликать. Отгоняли их, да не отогнали. Съели вороны весь холм, лишь тогда и улетели.

А с мальчонкой тем диво-дивное случилось. От того ли, что в дерьме он три дня про-сидел, иль от ненависти, каким был он маленьким таким и остался. Не взрослел, не умнел, говорить не научился. Ходит по славянской земле, ничего не просит, не голосит, лишь воняет своим страшным духом ненависти.

Завещал Рюриг стол одному из своих сыновей. Много их по весям росло-гуляло, да лишь единственного он приветил, отобрал у матери. Был последним он Рюриговым сыном, с ним ушла из отца сила мужская, знать, ушла она к сыну, знать, ему и княжить. Сыну отроду было пять лет, звали его Ингваром. А раз он еще не в летах, пусть в дядьях у него стоит волхв Олег Всеславич.

Завещал также Рюриг Ютландский русам славным выйти из лесов этих злополучных, да по рекам спуститься вниз. Воевать завещал полуденные земли плодородные, те, что дал он слово хазарским иудеям не трогать, а теперь на смертном одре мог вернуть он себе то слово. Да сказал, что воевать те земли можно только с новой силою, с новыми русскими – исполнинами-русичами.

Своих воинов-русов у кагана вовсе не осталось. Ох, не долог воинов век! Кто под Новгородом в битве poleg, кто собирал дань по весям, да голову сложил; кто в пиру от меда подход или в пьяной сваре; кто ушел в другие земли лучшей доли искать, да славы воинской, да смерти. Но оставил каждый по отросточку, а еще и не по одному – по два, по три. Подросла та поросль младая, прозывалась та поросль русичами, и умели они сызмала меч держать с палицей, копья метать, стрелочки, да готовы были биться за своего кагана.

Как собрал по весям это войско Олег Всеславич, как построил, так и залюбовался – силач к силачу, один огромное другого. Со такой-то ратью и в чужие земли киевские идти не страшно.

Ингвар-русич, Рюригов сын, больно мал еще был для похода, сидел с мамками-няньками, ел пряники. Решил Вещий Олег побережь наследника единственного, без него, без Ингвара, собрать земли, Рюригом завещанные.

В те поры город Киев силен был, но не столько властью своей, сколь славянским народом. Жили в городе том и окрест поляне-силачи. Каждый мог под быка подсесть да поднять его играючи. Но труслив был тот народец. Кто по киевской земле не пройдет, всяк хозяином себя чувствует. На княжение поляне взяли варяга Аскольда из былых Рюриговых воинов. А случись хазарину подойти, уплатили они ему дань мечами, коими дом свой должны были беречь – и без горя. Как Аскольд не гневался – ничего не помогло. Своего князя поляне не боялись, а чужих опасались. Потому и веру приняли греческую во Христову доску деревянную, ибо больно тот бог по их, по-полянски, жил. А Аскольд-князь возьми и смекни: ему ведь то на руку – что не скажет от имени греческого бога, все поляне и исполняют.

Вот спустился Олег Вещий с русичами на ладьях, на стругах до самого Киева. Испугались поляне, на битву не выходят, закрылись в городе – не выкуришь. Стены Киева не чета другим – высоки. Лезут русичи на них, падают, бьются на смерть. Призадумался Олег, сел на пень, в землю уставился. Смотрит, по тростинке муравей ползет и не падает, и как споро у него ползает! Пошел к берегу Днепра Олег, отыскал травку волшебную тирлич, что любого человека в зверя оборачивает. Приготовил настой, да во первую ночь сам обратился в волка, нашел узок лаз собачий и в городе все изведаль. Во вторую ночь превратил волхв Олег свое войско в муравьев, те и рады были по стенам лезть. Захватила рать Олегова город спящий, Аскольда убили, а самих-то жителей-полян мудрый волхв не велел грабить. Поутру поляне проснулись, видят – мертвый их князь. Испугались за себя, мол, как же они теперь без защиты, и открыли ворота, встречают Олега. Говорят ему с радостью:

— Вот тебе мы благодарны, что спас нас от Аскольда.

И еще об одном просят:

— Оставайся, великий волхв, у нас княжить, позабудь тот далекий Новгород.

А в народе с тех пор пошла быль гулять, как Волхв Всеславич захватил город Киев.

И уселся Олег на киевском столе, а Ингвара оставил править в Новгороде. Потекла тут к Олегу дань богатая, южная. А ему этого мало. На соседей-славян позарился. Повел войско свое на древлян, да надолго увязло войско в болотах. Десять лет воевал Олег тех лесных жителей, да все десять лет стоял в болотах запах ненависти. И никто не знал, не догадывался окромя

Олега Вещего, что виною тому мальчик новгородский, кой где-то возле Искоростеня ходил. Стоит вонь над древлянской землею, славянин идет на славянина, полянин – на древлянина, и у всех глаза горят ненавистью. Приказал Олег рубить любого младенца, да никак дите вонючее не поймать. Пока всех древлян не положили, не смирились они. Подчинились старики да девы, а взять-то с них нечего – разорилась древлянская земля. Пошел с ратью своей Олег на дреговичей. Земли те богаче, да и там люди – не промах. Воевал Олег дреговичей еще десять лет, и все десять лет стоял запах ненависти над лесами пинскими.

«Как бы, – думу думает Волхв Всеславич, – обмануть того мальчонку. Ведь за мной незря он ходит. Как пойду я воевать волынян, он и там, стервец, окажется».

И пошел Олег во другую сторону, захватил северян, а за ними – радимичей. Да так быстро захватил, легко, что подумалось, обманул мальчонку. Не гадал Олег Вещий, что другая беда его здесь ожидала, ибо в землях тех дань платили хазарскому кагану.

Тут как тут пришло в Киев посольство из Хазарии. Сели нагло иудеи хазарские пред князем Олегом, слово молвили такое:

— Раз посмел ты, русский хаган, взять Великой Хазарии дань, то теперь тебе и ответ держать. Будешь ты отныне сам нашим данником. Будешь ты платить дань, что северяне и радимичи нам платили и еще полстолько. Да кроме этой дани будет на тебе и дань особая. Коли хочешь, откупись мечами, как до тебя нам Киев заплатил, будешь ты тогда без мечей жен наших покорнее. Коли хочешь, откупись кровью. Смелых воинов у тебя много, мы пошлем их супротив наших ворогов, будут воины твои славить русский обоюдоострый меч.

Тут хотел уж Олег хазарам ответить, так ответить, чтоб катились они до самой до Хазарии, да вбежал вдруг в палаты воин израненный:

— Ой, беда! – молвил, на колени упал. – Подступили ко Киеву рати несметные. Рубят всех подряд они, во полон не берут. А мечи у них изогнутые, на шеломах рога козлиные, а кричат они визгом страшным, а в глазах у них бешенство, кто в глаза те взглянет – столбом стоит, пока его не зарубят.

Посмотрел Олег на хазарских послов – те ухмыляются. Посмотрел на полян богатых – а у них колени дрожат. Делать нечего, тогда Олег Всеславич вот что ответил:

— Мечу нашему в руках чужих не бывать. А воину нашему топтать чужую землю не привыкать. Берите дань кровью.

— Ай, достойный ответ, – иудеи говорят, – Только знаешь ли ты, русский хаган, что закон наш суров: служить могут нам только победители. А коль кто побежит, поле боя врагу отдаст, мы того казним по закону смертию лютою.

Подивился Олег такому закону: разве знаешь заранее, как сражение сложится, с какой силой враг выходит, каким богам молится. Видно сразу, что те иудеи хазарские, кои такие законы придумали, в битвах никогда не сражались, о воинах своих не заботились. Да ответил послам вот что:

— Не бывало еще такого, чтобы русская рать с поля боя бежала, не бывало еще такого, чтобы мы не побеждали.

Думал хитрый Олег, если будет его войско во Хазарии, почему бы ее изнутри не взять. Да иудеи хазарские тоже не льком шиты – ведь хитрее народа нет. Были в службе у них магометане-воины – с Царьградом воевали, с христианами, а во те поры, когда хазарские послы в Киев пришли, вдруг понадобилось Хазарии воевать земли магометанские. Тут для русов как раз работа, не пошлешь же своих на своих.

Делать нечего, собрал войско Олег немалое из полян да из словен ильменских и поставил им в начало русичей. «Вот бы, – думает Олег, – дать мальчонку им того с духом ненависти, то-то войско было б всем на зависть. Да теперь же где его возьмешь».

Так отправилась рать русская в земли неведомые и не вернулась.

Через три весны, через две зимы опять приходит посольство хазарское.

— Плохих воинов ты дал нам, русский хаган, – говорят иудеи да посмеиваются, – одни сами бездумно полегли, а другие бежали, и казнить их пришлось лютой смертью – какою, не спрашивай. Подавай-ка нам новых воинов, да получше прежних – столько и еще полстолько – поведем мы их на Царь-город.

А Олег возьми и взъяришь:

— Да не может того быть, чтобы русский воин побежал. Сам теперь я во главе рати встану, посмотрю на диво такое.

— Кто ж тогда тут дань сберет? Кто же о наследнике позаботится? – хитрые хазаре сощурились вроде и смеются, вроде и нет. – Оставайся-ка ты, хаган, здесь. А на третий уж раз войско сам поведешь, обещаем.

Вот собрал Олег новое войско, снова русичей в начало поставил и отправил в неведомые земли. «Как же, – думает, – так? Отчего же русичи бегают? Пока сам не увижу, не поверю». А раз дело такое, правы иудеи – пора о наследнике вспомнить, посадить его в Киеве на престол. Поехал Вещий Олег в Новгород, где Ингвар княжил. Видел он того тридцать лет назад мальчиком девятилетним, приглашал его ни раз во Киев, да тот не хотел ехать, мол, ему и здесь, в Новгороде, неплохо.

Как увидел Ингвара Олег, так и охнул, да вспомнил матушку княжичеву нехорошим словом. На престоле широченном, что и четырех бы богатырей выдержал, сидит туша о пяти охватов в ширину, глаз из-за щек не видать, пузо – на отдельной скамеечке. Мамки-няньки вокруг княжича бегаю, кормят. А в народе про него шутки складывают, насмеваются. Имя неславянское на свой лад переиначили: был он Ингвар – «великая гора», стали звать его Святогор, или просто Игорь, ибо святость свою заслужить надо.

Разогнал Олег мамок-нянек, приказал Ингвару подниматься. А тому и не встать без помощи. Его пять добрых молодцев подхватывали, да на толсты ноженьки ставили, а на улицу все одно вывести не могут – двери маловаты. Пришлось проруб рубить, чтобы Святогор вышел. Подвели ему доброго коня, самого на приступочку поставили, да втроем еще ноженьку подняли. Сел наследник – охнул конь под ним человеческим голосом, воздух испортил, дух испустил – переломан оказался хребет.

Плюнул Вещий Олег. Посадил Игоря на хлеб, на воду, а по весям послал самых сильных коней искать. Привели десяток, чтобы мог наследник их менять чаще да до смерти не заездить. Много ль, мало ли времени прошло, похудел Игорь – стал не в пять обхватов, а в четыре. И задумал Олег его женить – что за князь, за каган без жены. А Игорь ни в какую:

– Не хочу, – говорит, – жениться, не хочу княжить, а хочу, как прежде, есть пряники.

Тут прослышал Олег, что во славном городе во Пскове есть дева на выданье чистых русских кровей, соратника Олегова внучка; в честь его, Олега, названа Ольгой. Уж увидела она свою десятую весну – пора и замуж. Родилась она во Перунов день, и погас огонь в очаге от ее первого крика. А росла она непряхой и неткахой, да зато могла на скаку двумя мечами махать. Десять нянек с ней не справлялись. Десяти мужам во честном бою она головы срубила. Заглянули волхвы в ее будущее, и какой из них ни взглянет, молчит, ничего не рассказывает. Обещали только ей: проживет она три жизни, и все три будут разные.

Пришла Ольга в Новгород. Посмотрел на нее Олег, подивился: девке отроду десять лет, а она с него ростом, а в плечах у нее – ширь, в бедрах – узь, одним словом – поляница.

Ее Вещий Олег спрашивает:

— А скажи-ка, дева красная, сможешь ты этот тюк с дерьмом хоть двумя руками поднять, да пронести? – и показывает на наследника.

Тот тайком уплетал пряничек.

Отвечает дева:

— Не бывало еще такого, чтобы красна девица нареченного своего умыкала. Пусть-ка сам он попробует.

И давай плясать да с мечом играть. Раззадорила Игоря пляскою, захотел тот жениться, обрадовался. И о прянике позабыл.

Приказал Олег играть свадебку.

Вот сидят жених-невеста за столом, выжидают. Весь-то Новгород пьян-пьянешенек, невесту славит, над женихом потешается. Невеста не ест, не пьет, жених на мед-пряники нажимает. Наступила ночь долгожданная. Тут притих Новгород, прислушивается: что там в спальне у супругов делается?

А наутро вышла Ольга, как ни в чем не бывало, не устала, не утомилась.

— Где же суженный твой? – Вещий Олег у невестки спрашивает.

— А мой суженный всю-то ноченьку на стене провисел, промучился. Я уздечкою его перевязала, да на гвоздик и повесила. А смогла ведь я, Олег Всеславич, этот тюк с дерьмом двумя руками поднять!

— Как о муже ты своим говоришь-отзываешься! – ей Олег в сердцах отвечает.

Побежали девять добрых молодцев Святогора снимать с гвоздика. И палаты дрогнули, когда на пол наследника уронили.

Покачал головой Олег, да что поделаешь. Встретил Игоря непутевого, шепнул ему со злостью:

— Что ж ты, добрый молодец, пузо отрастил, своей палицы под ним не видишь. Была бы у тебя палица да побольше живота, вот тогда бы справился ты со своею суженной. А как сдюжишь ты со всею русскою землею, Святогор?

— Мне бы пряничка сейчас, – тот отвечает, – я бы сдюжил.

Тут гонец прискакал, принес вести плохие из Киева:

— Собирайся, Олег Всеславич. Понаехали в твой стольный город хазаре, снова требуют дань кровью русской.

Делать нечего. Кликнул Вещий Олег охотников и отправился с ними в Киев. Взял с собою и Игоря с Ольгою.

А хазарский посол уселся во палатах княжеских белокаменных. Говорит он Олегу:

— Ох, и любо на твоём, хаган, сидеть престоле. А пришел я за новыми воинами. Твое прежнее войско больно быстро иссякло. Было это в Царьграде. Кого греки порубили, кого греческим огнем пожгли, а кого мы сами лютой смертью замучили. Ай, и славно твои воины от греков бежали, там прозвали их за это дромитами, что значит «бегунами».

Тут Олег расвирепел, да из последних сил сдержался и такое слово молвил:

— Уговор был в прошлый раз, помнишь? Сам теперь я поведу русских воинов. С ними Киев я брал, покорял земли западные и восточные. Сам хочу я посмотреть, как они бегают.

— Хорошо, хорошо, русский хаган, сам иди, а срок тебе – два года. Захвати Царьгород, и тогда мы будем квиты: ты нам будешь другом, мы – тебе друзьями. Дань получишь со Царьграда огромную, ибо этот город самый богатый после нашего великого Итиля. Всю-то дань бери себе. А не справишься, тогда говорить будем по-другому.

Время было у Олега. Кликнул клич он по Русской стороне. Стали в Киев русичи собираться. Стали строить ладьи на всю рать. Стали гнать ко Киеву и древлян, и кривичей, и славян ильменских, и радимичей, и вятичей, и дреговичей. Северяне лишь сказали:

— Лучше мы по-прежнему будем дань платить хазарскому кагану.

Некогда их было образумить, мечом приласкать зазубренным.

Обучал тем временем Олег Игоря-наследника землю править, дань собирать, да не жадничать, хитрым быть, да справедливым. Похудел от учения Игорь, стал всего лишь в три обхвата, конь теперь мог день пути его держать. Да за два-то года разве всему выучишь...

Двинул Олег войско русское вниз по Днепру, больше его в Киеве и не видели.

На днепровских на крутых порогах первая беда его настигла. Пошли на ладьях прямо по порогам, перекатываются ладьи, ломаются. Русичи, кои в первых лодках шли, волок не заме-

тили, по которому умные люди, купцы да путешественники, корабли свои волокут. А Олег в середине войска на легком струге был, да еще и вздремнул маленько и не смог осадить русичей вовремя. Сколь народу потопили, сколь ладей поломали, оставили – не счесть. Тут догадываться стал Вещий Олег, в чем дело, почему русские воины брани проигрывали. Не от того ли, думает, что стояли всегда в начале русичи, сыновья тех доблестных русов, с коими Рюрик славянскую сторону завоевывал. И отцы их были богатыри, и русичи таковы, да ведь матери их, славянки, молоком своим их в младенчестве питали, а сами сено ели да траву. Превратили они сыновей своих в телят. Сила есть – уму неоткуда взяться. И начальники из этих новых русских, как из молодых бычков.

Призадумался Олег, стал собирать советы, да приглядываться, да прислушиваться, что те горе-начальники молвят. Убедился, да делать нечего. Повернуть назад – стыд. И решил тогда Вещий Олег не спать, не отдыхать, никому не доверять, все решать лично. Авось, сдюжит. «Будем, – думает, – брать Царьград силой и отвагой русичей, коих им не занимать, да моим умом».

Вышли в море ладьи русские, вдоль берега направились. День и ночь не спит Олег, глаз боится сомкнуть. Ну, как шторм – не успеют ладьи бухту найти и спрятаться; или мель – не успеют дальше в море уйти; или выскочат из-за мыса греки на своих кораблях – не успеют его разбудить, не успеют ладьи клином построить, чтобы крылья по краям оставались. Да еще не мало ли в море опасности.

Долго ль, коротко ли, показался и Царь-город. Подивились русские воины такому чуду невиданному: башни, крыши, колоколенки – все блестит на солнце, переливается, все высоко над землей поднимается, в небо синее упирается.

Как увидели греки, что плывет на них туча кораблей русских, испугались, забегали. Да защитой был их город славен. Вот, казалось, и пролив, что до самых стен ведет, а поди в него войди. Натянули над водой греки цепь невиданную, а звено у той цепи, что колесо у телеги. И была та цепь от одного берега до другого.

Тут один из русичей побойчей других крикнул на все море синее голосом громовым, заглушил шум волн и ветра:

— Навались, ребята, всеми лодьями! Силой русскою не порвем мы разве цепку!

Ухмыльнулся Олег в бороду, промолчал. Налетела туча лодочек на цепищу, гребцы пыжатыся, веслами машут, лишь один Олег сидит на корме, задумался. Только ночь на землю опустилась, крикнул воинам своим Волх Всеславич:

— А теперь-ка, молодцы, давайте к берегу!

Первым выскочил, ступил на землю, огляделся, взял славян помастеровитее с топорами, с пилами и исчез в ночи чужой, непроглядной.

Рассвело вот, смотрят греки со высоких стен: нет, как нет, на море суден вражеских. А на сушу посмотрели – что за чудо! Корабли по земле плывут, паруса ветрами утренними надуваются. То Олег, мудрец вещий, приказал все ладьи поставить на колеса. Сам же всю-то ночью кликал ветер северный со родной со стороны.

Удивило чудо греков, да на то у них было и свое чудо. Лишь приблизились ладьи русские да на два полета стрелы, показалось из-за стен пламя огненное, налетело на чудо-корабли, стало жрать их один за другим. Так у змея пасть разверзается, так он столб огня извергает, и летит огонь лакомиться деревом.

Тут воочию Олег и увидел, как бывало все на брани, на сражении. Тут и понял он, что ума его, что отваги русичей мало, – надо, чтобы и другие слушались да страху не кланялись. Первыми поляне побежали, те, что издавна свой Киев-город под кого непопада отдавали. Великаны все, исполины, а блаженны духом, трусливы. За полянами другие вскачь ринулись.

— Стойте! Стойте! – им Олег кричит. – Нам один путь от огня спастись – на стены! Лодий много – все не пережгут!

Те, предатели, не слышат, улепетывают. Тут и ладьи подогнал ветер ко крепости. Надо бы стремянки ставить да на стены лезть – а некому. Перебили греки малое число оставшихся русичей. А Олега схватили.

Привели русского вождя на поклон к василевсу греческому. Таковы слова василевс молвил:

— Мы отпустим тебя, страшный волхв, не хотим брать греха на душу. Все равно теперь ты не жилец: иль хазары тебя казнят – знаем точно, или раньше ты от мук бесчестия помрешь – вон какой худой, очи от бессонницы красные. Догоняй своих дромитов, но сперва по обычаю побежденного ты прибежь-ка щит свой на наши ворота. Слышали, и в твоей стороне есть такой обычай, чтоб ворота были крепче, неприступнее. А прибежешь – посмотри: и хазарский есть там щит, и хорезмский, и болгарский, и печенежский, и еще другие – мы уж и не помним чьи. Потому как не родилось еще народа, кой смог бы взять велик наш град Константинополь!

Усмехнулся горько Олег, василевсу ответил:

— Не спасет мой щит этот город. И пяти поколений не умрет, как падут сии стены.

Испугался василевс такому пророчеству, да ближние его успокоили: «Это злоба, – говорят, – в волхве беснуется».

Вот прибил Олег Всеславич щит резной свой на царьградские ворота, и отпущен был на все четыре стороны. Шел он, шел, через три дня, через три ночи смог догнать свое войско. Чует, вонь стоит во стане – не продохнуть. «Что же они тут от страха в штаны наделали?» – Олег думает, да потом о мальчишке смердящем вспомнил – знать, догнал их мальчик, на своих на кривеньких ножках. С духом ненависти бы да – на греков, но уж поздно. Как увидели воины своего князя, поклонились ему в ноги, повинились:

— Ты прости нас, – говорят, – не послушались, побежали. Да зато теперь умереть мы за тебя готовы.

Им, винящимся, Олег отвечает:

— Вот теперь и умрете. Вам ведь знамо: по хазарскому по справедливому закону победивших смертью лютою казнят. Потому-то и пойдем мы во Хазарию свою смерть искать. Славы вряд ли мы теперь найдем, а вот честь свою нам вернуть надобно!

— Так ведь мало нас, князюшко! Так ведь головы свои мы там положим!

Зыркнул гневно Олег Вещий на сказавшего – так и есть: полянин! Крикнул быстро, громоподобно:

— А полян убить всех до единого!

Заревело войско радостно, вдохнуло ненависти, и давай полян резать, утешаться. Всю-то ноченьку их ловили да головы рубили, лишь под утро успокоились, повалились воины на землю сном мертвым. А Олег и тут не спал. Он давно устал до смерти, ведь с днепровских порогов глаз не прикрывал, не вздремнул ни разу. Вот сейчас, казалось, перед битвой великой последней спи-отсыпайся, да глаза не слушались, не закрывались. Понял он, что лишь со смертью он глаза закроет.

Тою ноченькой, когда спали все, подошел Олег Всеславич ко младому воину Свенельду. Тот из русичей был, да по малолетству под царьградскими стенами страху натерпелся, побежал, как все, за полянами. Спал Свенельд богатырским сном. Поднял руки над ним Олег Вещий, и забыл Свенельд, что было, да что глаза его видели. Помнит, шли на греков и по морю, и посуху.

— А что дальше было, запоминай, – говорит Олег ему, спящему. – Испугались греки наших лодий, посуху плывущих, и смирились, заключили мир. И прибил я, Олег Вещий, свой щит на ворота царьградские в знак того, что взят этот город мною, – есть обычай такой у греков супротив обычая нашего. А потом пошел со всем своим войском победоносным на хазар – освободить славянскую сторону от дани тяжелой. Да пошел той дорогой, что в походы раньше ходил на северян и на радимичей, и где конь мой меня спас своею смертью от стрелы хазарской.

Поклонился я тому коню любимому, его косточкам преданным, а из черепа его змея меня возьми и клюнь. И теперь ты меня мертвого во сне видишь.

И еще хотел Олег сказать о мальчике смердящем, о котором один-то он и знал-помнил, да еще волхвы догадывались ладожские. Есть, мол, мальчик такой маленький, ходит он по славянской земле на ножках своих от хождения кривеньких, источает тот мальчик дух мерзкий, запах ненависти, сеет злобу он за грехи прошлые, тяжелые. Да подумал Олег, что толку – все одно то дите никому не увидеть, не поймать. И не стал говорить.

Обратил Олег Вещий Свенельда во сне в зайца серого и пустил по степям, по лесам. Прискакал заяц к городу Киеву, перед стенами оземь стукнулся, превратился тут же в добра молодца и понес свою весть князю и княгине. Рассказал Свенельд, что знал о победе Олеговой, да о смерти его от собственного мертвого коня. А что с войском всем случилось – не знает.

Долго ль, коротко ли, вдруг посол из Хазарии поспешает. Как вошел во князьи палаты, как уселся пред князем Игорем непочтительно, так все поняли: что-то с войском опять случилось. Тут по-своему посол и поведал, как на самом деле под Царь-городом было. Да еще поведал, что дальше с Олегом и со всей его ратью случилось.

Вот дошел Олег до моря Хазарского, воевал со многими народами, много люду положил, городов разорил-пограбил, да один супротив всех – это гибель. Заперли его в некоей крепости на высокой неприступной горе, обложили со всех сторон. Надо бы волхву вырваться, да возьми тут и случись со всею ратью болезнь невиданная. Пронесло каждого воина до кровавого поноса, каждый воин дерьмом зеленым исходил, так что внутренности наружу выворачивались, и штаны никто не мог одеть; лежали воины без штанов, под себя ходили. Дух в той крепости стоял такой, что даже осаждавшие отошли на пять полетов стрелы – ближе дышать было нечем. Сам же Вещий Олег будто спятил – все искал по городу какого-то младенца, маленького мальчика, да уж воины его давно всех местных жителей перерезали. Так и сгинула рать русская в мучениях. Лишь открыли ворота, потекло в долину дерьмо зеленое, а в нем трупы разбухшие, синие. Стала крепость та и вся долина вокруг для жизни непригодна.

Как поведал это хазарский посол, снова дани затребовал, но не кровью теперь, ибо кровь славянская оказалась дешева, не мехами соболиными, не белками, не куницами, не медом, не дегтем, не другим каким товаром, а булатными русскими мечами.

Только начал еще говорить посол, да о смерти Олега рассказывать, раскраснелся Игорь, князь киевский, разгневался. А о дани услышал – вскочил. Девять молодцев не смогли его удержать. Подлетел к послу Игорь и выкинул его из палат своих со высокого крыльца да на каменный двор. И кричит послу уже мертвому:

— Не бывать тому, чтобы русичи в дань свои мечи отдавали!

Сам он тоже ведь был из русичей, от славянки да от Рюрика кровавого.

Вдруг поднялся тот посол, как ни в чем не бывало. Отвечает князю киевскому:

— Ничего, посмотрим, чья возьмет! – и пошел себе восвояси.

Подивился Игорь такому чуду, сколь народу из своих палат он уже выкинул, а никто еще с земли не поднялся. Посчитал он это за знамение, знать, придется платить дань во Хазарию. А о смерти Олегова войска велел Святогор своим ближним помалкивать, пусть все так остается, как до того юный Свенельд поведал. И еще велел Игорь, чтоб отныне в городах щиты побежденных на ворота не вешали, пусть забудется тот обычай, пусть останется повесть о том, как Олег-победитель прибывал свой щит на ворота Царьграда. И забылось сие, да не столь оттого, что князь Игорь приказывал, сколь оттого, что не скоро теперь города славянские смогли осады выдерживать и вывешивать щиты побежденных.

Вот прошло немало времени, чтобы опомниться, и немного, чтобы войско собрать. Прискакали пограничники, коней загнали, докладывают: мол, идет на Киев-город рать хазарская, во главе – воевода Песах. И в наеме у него войско новое, невиданное – печенеги лютые, крови алчущие, как мертвяки на пиру. Грабят, жгут все на своем пути, разоряют земли славянские,

жен да детей во полон уводят, а приближаться не торопятся, кличут рать славянскую на битву. Как прослышал про то князь Игорь, посылает своих гонцов за подмогою и к древлянам, и к дреговичам, и ко кривичам, и к радимичам, и к родным своим славянам новгородским. Все гонцы возвратились побитые да с такими обидными словами: «Мы платили, мол, дань Олегу, Волху Всеславичу, а тебя, Святогор, мы не знаем».

И остался Киев без защиты. Подступили хазары со своими союзниками печенегами, обложили город – зверь не проползет, птица не пролетит. Воевода Песах пошел дальше славянские земли грабить, за себя оставил того самого посла, со крыльца высокого коего Игорь выбросил. Тот посол хазарский свой шатер расписной, богатый раскинул на высоком холме по другую сторону Днепра, сидит возле него, не торопится, ждет, когда Игорь ему поклонится. Делать нечего, послал Игорь гонцов с дарами у хазарина мира просить. Принесли назад Игорю голову гонца, а в зубах у нее грамотка – знать, сперва грамотку сунули в зубы, а потом уже и голову срубили, чтоб покрепче зубы ту грамотку сжали. А в грамотке вот что было:

«Ждем мы дани от каждого дыма по мечу, а от каждого княжьего мужа-дружинника – по два».

Горевал Игорь на глазах у всего Киева, да что поделаешь. Полянам-то не привыкать, без мечей оно и спокойнее, да боятся о том князюшке вымолвить. Вот собрали с каждого двора по мечу булатному, что от дедов еще остались и крепки, и остры были, и с дружинников княжьих – по два. Горевали дружинники, ведь хороший друг-меч не один год ковать надо, выкалывать, выхаживать. Вывезли мечи на возах за стены и в траву вывалили.

Да вдруг смотрит хазарский посол, рядом с Игорем на башне киевской стоит воин в доспехах, из-за плеч того воина две рукоятки мечей торчат.

— А по что этот ратник, что с тобой стоит, тебя послушался? Почему этот муж мечи не отдал? – хазарский посол у Игоря спрашивает.

Отвечает ему Игорь:

— То не муж, то не воин, то жена моя, княгиня Ольга-поляни-ца. Уговор-то был о мужах, о дружинниках. А она и меня-то, своего суженного, не слушается, а тебя, хазарин, и по давню не послушает.

Ольга мужу со стены вторит:

— Коли хочешь ты, хазарин, завладеть моими мечами, то попробуй-ка сам возьми.

И спускается поляница со стены, и садится на коня ретивого, выезжает за ворота во чисто поле, никого не слушает. Игорь-князь лишь рукой махнул. Поскакали хазары с печенегами на Ольгу. А она мечи свои достала и давай махать – полетели тут же головы поганые. Коню Ольга гикнула да была такова – и никто не посмел ее удерживать, во честном бою с нею сразиться.

Собрали хазаре дань мечами, а посол кричит Игорю, усмехается:

— Вот теперь, хаган Игорь, будешь ты на Руси нашим наместничком. Подчиняй народы окрест, собирай с них дань для Великой Хазарии. Будешь дань платить за десять лет вперед.

Наступили времена тяжелые. Стал князь Игорь злобу срывать на своих данниках, мол, коль предали его, так теперь расплачивайтесь. Да особо-то и не разживешься. Как отец его, Рюрик бешенный, на себя одного да на свою дружину собирал, то полстолько было, что Игорю собрать надо для Хазарии. Вот как осень – князь с дружиною едет на полюдь, разорит, разграбит своих подданных, а как минуло десять лет да собрали поезд дани, так и нечем жить, дружину кормить.

Разорилась Русь от поборов. А хазарам все мало. Да не столь хазарам, сколь верушке их – иудеям хазарским. Как наехали они на Русь да давай ходить гоголем. В самом Киеве-городе на высоком холме купцы иудейские расселись, товаром торгуют, русских обирают, окромя бога своего никого не боятся. Храм поставили иудейский, тупоудый, да славянских богов отодвинули, не признают, своему лишь молятся. А их бог – не чета нашим, алчен, требователен, нетерпим.

Похудел князь Игорь от жизни такой, высох в заботах, стал всего лишь в два обхвата. У волхвов совета спрашивает, что же делать, как же быть? Может, двинуть войско на Хазарию? Али за добычею пойти во Царьград?

А волхвы одно твердят, уговаривают:

— Не ходи ты, князюшка, ни в Царьград, ни во Хазарию, не видать тебе там победы, а роди-ка ты наследника, он все сделает лучше тебя. Говорят нам звезды на небе, и листва шумит на дубах, и птицы поют певчие, что коль станется Ольге рожать, то родит она богатыря-победителя.

Усмехается Игорь в бороду: а попробуй-ка скажи это княгине. Как ходила Ольга девкой-поляницей, печенегам в чистом поле головы сшибала, так и дальше девкой оставалась, не пускала мужа к себе в спальню. Нашептали ей купцы иудейские, есть, мол, у царевны царьгородской чудо невиданное, ожерелье непростое. Голубее Ольгиных глаз камни, в золото оправленные, в ожерелье том, на свету переливаются радугой, в темноте горят огнем. И подначивает Ольга Игоря толстомордого:

— Кабы было у меня такое ожерелье, вот тогда бы и пустила я тебя в спальню.

Расспросил и Святогор иудеев о таком чуде. Стало сниться ему то ожерелье. Да куда ему в поход на Царьград идти, больно стар стал князь. Смерть уж близко, а наследника-то нет. Заколдованный круг получается: без наследника не освободиться от Хазарии, без смирения Ольгиного не родить наследника, без ожерелья греческого Ольгу не усмирить, без силы ожерелье не взять, без свободы от Хазарии сил не накопить. Думал-думал князь, голову ломал, пошел снова у волхвов совета просить. А они все одно твердят – о наследнике. Тут всю правду Святогор возьми и выложи. Посмеялись волхвы тихонько в бороды: экий муж – с женой не совладает. Как еще он с подданными справляется? Да делать нечего, решили помочь Игорю в походе ратном.

Удивился Святогор:

— Али вы хотите от своего князя, светла солнышка, избавиться? Где же видано, чтобы старик со своим малым войском греков одолел?

— Отправляйся, – говорят волхвы, – а уж мы тебе подсобим. Да запомни три заповеди, коли их исполнишь, жив останешься и вернешься домой с ожерельем. На Царьград с собой возьми только воинов христианской веры; развелось их много на Руси – на целую рать наберется. Будет Ольга-княгиня тебя просить-умолять, чтобы взял ты ее с собой в битвах потешится, брать ее не смей, оставь дома. А когда завоюешь Царьград да потребуешь ожерелье, ничего окромя него не бери, чтобы тебе не сулили.

Обещал князь Игорь все исполнить, как велено. Только вышел из горенки, самый старый волхв и говорит:

— А ведь шло бы и без нашей помощи все, как надо. Вижу, князь Мал древлянский из города Искоростеня уже выехал.

Закивали согласно другие волхвы головами, тем словам непонятным, да ведь что волхвам ведомо, другим людям не сразу откроется.

Делать нечего князю Игорю, стал в поход он собираться. Кликнул клич он среди христиан, набралось охотников немало. А княгиня Ольга о походе прослышала и давай просится, чтобы муж ее с собой взял – больно любви ей были сражения.

Отвечает ей Игорь:

— Не велели мне, женушка, тебя с собою брать волхвы окаянные. Сам дивлюсь, а послушаться не могу.

Долго ль, коротко ли, собрался Святогор и отправился на ладьях за море. Вот как вышли ко Царьграду русские корабли, стали греки их огнем поливать змеевым, тут и екнуло сердечко у Игоря: «Вот и смертушка моя пришла», – думает. Да откуда ни возмись, налетела вдруг туча черная, и пошел из той тучи дождь силы невиданной, загасил греческий огонь. Дивятся греки:

не бывало еще такого, чтобы их огонь от дождя погас, не боялся, они думали, он ни морской воды, ни небесной. Да что делать, защищаться надо. Стали стрелами да копьями закидывать русские ладьи. Не укрыться было от тех стрел-копий. Да опять откуда ни возьмись, как подует ветер с моря, такой сильный, что все стрелы копыя восвояси полетели и немало греков побило. Испугались тут греки, третьего раза ждать не стали. Посылают послов к Игорю на замирение, спрашивают, чего русские воины пожелают. Отвечает им князь Игорь:

— А отдайте-ка вы мне ожерелье, что лежит на груди высокой, у вашей царевны, вместе с грудью пышной мерно вздымается, я тогда и уведу свое войско.

Еще больше греки удивились: где же видано, чтоб дань такую малую брали? Принесли ожерелье на подушке шелковой, жемчугами вышитой. А царевна греческая расставаться с ним не желает, и ревет, и плачет, победителей-обидчиков за платье хватает. Подивился тому князь Игорь: «Видно, впрямь ожерелье так дорого». Да никто ее, царевну сердечную, не утешает, не спрашивает. Греки знают – честь империи дороже.

Ушли корабли русские восвояси, не взяли ничего больше из дани, и подушку, жемчугами вышитую, оставили.

Тут дружина Игорева зароптала:

— Что же, князюшка, не взял ты злата-серебра, что же ты свою дружинишку нищею оставил, не дал нам повеселиться, пограбить.

Отвечает Игорь:

— Не велели мне волхвы окаянные ничего-то брать кроме ожерелья. Сам дивлюсь, а послушаться не могу.

Зароптали дружинники еще пуще прежнего. Где же видано такое, чтобы князь, всему голова, волхвов слушался. Были воины Игоревы все христиане, веры новой, греческой, и волхам-колдунам не верили, да забыли, что и их Христос чудесником был. Взяли и высадили князя своего на берег. Дали ему конька убогого, мол, скачи на нем до Киева со своими стекляшками. Сами же отправились новой дани с греков требовать. Той порою туча черная чудесная на ветрах разгульных возвращалась. Разыгрались ветры, рассвирепели, унесли русские ладьи в море – больше их и не видели.

Долго Игорь Старый скитался. И от печенегов прятался, и от тиверцев, и от уличей. Обещал, вот дойдет до Киева, жене ожерелье подарит да родит наследника, вот тогда с наследником сюда и вернется; говорил, посмотрим, чья возьмет. От скитаний, от лишений похудел вконец, осунулся – стал всего в один обхват. Позабыл о вкусе хлеба белого, со своим коньком на равных ел травушку пожухлую да из ручьев гнилых воду пил. А весь путь, всю-то опасную дороженьку запах ненависти его донимал, будто шел рядом с ним кто-то смердящий.

То-то горя было в народе, как прознали, что с войском случилось; то-то радости было в палатах княжеских, когда Игорь Старый с ожерельем вернулся. Как отмыли князя в бане, напоили как, накормили, той же ночью, той же ноченькой понесла княгиня Ольга наследника.

Распрощалась Ольга со своим девичеством, потеряла в миг свою силу богатырскую, да проснулась в ней другая сила – бабья. И не думала она, не гадала, что так любо ей будет с мужем ночевать-дневать. Да ушло то время мимолетное, стал давно уже муж стар, за желаниями жены ненасытной не попевал. Реже дома он бывает, все по землям своим скачет, дань собирает – лишь бы в спальню молодуха не зазвала. А княгиня Ольга о ласке мужниной только и вздыхает, о наследнике, сыне Святославе и не вспомнит.

Вот опять ближе к осени пришел на княжий двор хазарский посол. Страх нагнал на Киев такой, что дрожали листья на деревьях, а зачуют его псы – разбегаются. Говорит посол такие слова князю Игорю:

— Плохо дань платишь, русский князь. Задолжал ты хазарскому хагану – чем расплачиваться будешь? Если даже весь Киев во полон увести – и то мало.

Задрожал Игорь от страха, отвечает:

— Есть вещица у моей ненаглядной жены из Царь-города, стоит больше она, чем весь Киев – ожерелье дивное, волшебное. Ты возьми его, дорогой посол, вместо дани за десять лет, порадуй великого хазарского хагана. А с женою я теперь договорюсь.

Засмеялся посол во всю глотку, донеслось до Игоря его дыхание смрадное:

— Ожерелью тому и впрямь цены нет – ничего оно не стоит. Изготовили его искусники из далекой поднебесной империи. Вместо золота там бронзы сплав, вместо камешков драгоценных выдутые стеклышки. Подарил то ожерелье царьградской царевне ее суженный, а затем возьми и в битве погибни. Потому и дорого оно ей было памятью, да не стоит оно и выеденного яйца.

Попритих Святогор, сгорбился, да подумал, врет хазарин. Раз он, Игорь, смог жену свою победить только с помощью ожерелья, знать, и впрямь для одних простая вещь, пустяк, для других – волшебная.

А хазарин свое гнет:

— Отправляйся-ка ты снова на Царьград, да не за стекляшками, а за данию большой, настоящей, что и должен был ты взять по праву. Сам поживишься и с нами расплатишься.

— Не поеду! – Игорь закричал. – Сколько вынес я в тот раз не передать. Подождите вы с данью. Скоро вырастет мой сын Святослав, он великим будет ратником, он и дань возьмет с Царьграда, и славу.

А хазарский посол Игоря не слушает, развернулся и ушел, мол, его, посла, слово – последнее. В те поры не могла Хазария ждать, когда малый Святослав подрастет. Напирали на хазар греки, проиграли им хазары несколько битв, готовы были уже сдаться. А коль войско русское нападет на Царьград, то, глядишь, будет опять отсрочка. Да не знал о том князь Игорь.

Делать нечего, велел он новому войску собираться. Сам сказался старым да немощным, поставил во главу рати мужа славного, воеводу Свенельда. Того самого, коего еще Олег Вещий с вестью обманной в Киев отправил. Возмужал Свенельд, окреп, у Игоря доверием пользуется.

И пошел тот Свенельд на Царьград. Греки в ужасе разбегаются, помнят русские корабли, что в огне не горят, да невдомек им, что в воде они тонут. А Свенельд беспощадный схитрил, на сам город Царьград не пошел, помнит стены его заколдованные; ходит около, земли грабит, жжет, над греками измывается. Вот прослышал, как погиб их бог греческий, и давай кресты ставить да людей распинать, да гвоздочки в тела вколачивать. Не готовы были греки к смерти такой – взмолились о пощаде.

А тем временем на Руси пошел Игорь-князь, как всегда по осени, на полюдьё – дань собирать с окрестных земель. Зашел к первым к древлянам в город Искоростень. Взял он дань, загодя приготовленную, и еще полстолько взял впрок, возвращается назад в Киев-град. А дружина его зароптала, давай князя подзуживать:

— Что же, князюшка-свет, такое деется?! Как вернемся в столицу русскую, отдадим всю дань во Хазарию и останемся опять в рваных портах. А придет Свенельдова дружина, вся в шелках, да во злате, да в серебре, будут хвастаться, над нами, княжьими дружинниками, насмеяться. Не вернуться ли нам в Искоростень, не потребовать ли еще даньки? Посмотри, как живет князь Мал древлянский, как одета-сыта его дружина – не чета нам, оборванцам, твоим преданным слугам.

И послушался Игорь Старый дружину, вспомнил, как на берег его высадили, да оставили во степи одного. Отослал возы с добром в Киев под охраной немалою, сам же с рьяными дружинниками снова к Искоростеню подался. Вот идут они сам-десять по лесам древлянским, чует Игорь, запахло, как тогда, когда крался он по степям диким, духом ненависти запахло. И друзья его чуют:

— Вроде той же дорогой идем, а дерьмом так сильно не воняло?

Встретил Игоря князь древлянский Мал да за стол широкий усадил, спрашивает:

— Или что забыл у нас, великий князь? Или потерял колечко своей суженой? Или что струсилось дорогою – вон какой вы смрад с собою привели? – и глядит на Игоря с усмешкою. Был князь Мал широк в плечах не по прозвищу, да на голову Игоря выше; мог в ладонь богатырскую положить репу и все соки из нее выжать, мог ладонью и шею ворогу свернуть, да и приголубить мог ласково, по-отечески.

Отвечает Святогор, глаз не поднимает:

— Обманул ты, Мал, меня с данью. Полны житницы твои, можешь ты еще хоть столько же дать, да не даешь. Русь под игом хазарским прогнулась, голодает, а тебе и дела нет.

— Полны житницы мои – не скрою. Да полны они от труда непосильного, а не оттого, что мало мы тебе дали. Уходи, великий князь, по добру, по здорову.

Не ушел Игорь, не послушался. Стукнул по столу кулаком – блюда подпрыгнули. Да так громко стукнул, что прослышали все древляне. Как узнали они, чего Игорь толстомордый требует, как вдохнули поглубже ненависти – зароптали. Вмиг схватили дружину Игореву, растерзали на мелкие кусочки. Самого Игоря Старого вывели, да не долго думали, присудили разорвать березами. Наклонили два дерева веревками, привязали к вершинкам князя за ноги да и отпустили. Полетел великий князь в небо, наверху перед смертью вот что увидел: идет мальчик по полю сжатому – ножки голенькие, кривенькие от холода поджимает да еще через что-то там перепрыгивает. Тут и разорвало князя Игоря в небесах на две половиночки. Сердце вырвалось, полетело высоко-далеко и упало прямо в Киеве на княжьем дворе, где княгиня Ольга мужа дожидалась.

И с тех пор пошла в народе быль, как огромный богатырь Святогор похвалялся своей силушкой, а суму, малую сумочку, от земли оторвать не смог. И еще пошла быль, как залез богатырь Святогор во корсту, чтобы примериться, а уж вылезти из той домовинки не смог.

Много ль мало ли времени прошло, опомнился князь Мал древлянский:

— Что же, родичи, мы наделали?

— Не бойсь, – отвечают древляне, – хоть и сила в Киеве, а правда за нами. Ты веди-ка нас, князь, на Киев. Все поднимемся, как один, и прогоним варягов кровавых да хазар ненасытных. Будешь ты, наш князь, во всей славянской стороне княжить, а жену Игореву возьмешь в наложницы.

Не поверил Мал в силу древлянскую, задумал все по-своему. Вдруг возьми и пошли сватов к великой княгине. Отчего, почему – никому не объяснил. Где же видано такое, чтоб убивец мужа у жены его доброй волей руки просил? Да делать нечего, скор был Мал на дело праведное, скор был и на расправу. Стали сваты в Киев собираться.

Вот пришли древляне в Киев на вечерней заре, доложились, ждут слова Ольгиного. Не ответила Ольга ни да, ни нет, лишь сказала, подумает, утро вечера, мол, мудренее. Ну а коли надумает, то пришлет за сватами древлянскими по утру ладью, что посуху ходит, как у князя великого Олега Всеславича. Те же пусть сядут в ладью, и со всеми почестями понесут их на княжий двор. Что за невидаль такая – ладья, посуху ходящая? – древляне думают.

Вот на утро пришли за ними, говорят:

— Великая княгиня ждет вас. Полежайте в ладью, понесем вас к Ольге, как по нашим русским обычаем должно сватов к богатой невесте вести.

Подивились древляне таким обычаем варяжеским, да делать нечего, сели. Понесли дружинники Ольгины ладью, а вокруг другие бегут, честь и славу поют, а кому – непонятно. Смотрят древлянские послы вокруг, Киев с ладьи разглядывают. Чуют, что-то в Киеве воняет так же, как от их киевского князя Игоря, когда он во второй раз в Искоростень за данью пришел. Но недолго было древлянам оглядываться. Притащили ладью на княжий двор да вместе с древлянами в яму и бросили, да тут же живых и закопали. А сама княгиня Ольга на крыльце стоит, посматривает, в руках сердце Игоревое держит, а из сердца кровь льет и льет, не иссякает.

Лишь земля над сватами древлянскими успокоилась, посылает Ольга гонца в Искоростень ко князю Малу с такими словами:

— Коль желаешь ко мне свататься, присылай ни кого попало, а лучших своих мужей, да таких, чтоб не пахло от них козлами. Помни, к кому сватов шлешь, древлянин!

«Что же, – думает Мал, – эти дурни натворили?»

Как велела Ольга, так и сделал: послал лучших древлянских мужей да велел пред дорогой им помыться.

Пришли новые сваты на княжий двор, встретила их Ольга, нос воротит:

— Иль всегда от вас такой дух, древляне? Коли так, небось и с князем вашим рядом не встать.

— Так с дороги мы, матушка. Упрели в шубах, – древляне давай оправдываться. Боязно сказать им, что это не от них, а по всему Киеву вонь стоит, как в отхожем месте.

Велела тогда Ольга баню для послов истопить по славянскому старому обычаю. Сами-то русы не любили баню, плескались в тазу.

Вот вошли древляне в баню, думают, попарятся с дороги, понежатся, а там сыро и нетоплено.

— Тепло ли вам, сваты? – Ольга с улицы спрашивает.

— Да не очень, матушка княгиня.

— Тогда сделаем пожарче, – им Ольга кричит.

Подперли в бане дверь да снаружи и подожгли. Сгорело все дотла вместе со сватами.

В те поры вернулся Свенельд-крестосажатель с большой добычей. Пошла тогда Ольга со всей ратью да с малым сыном своим Святославом на древлян, а впереди себя гонца послала, мол, встречайте невесту. В Искоростене вестей ждут, не дождутся, о несчастье не знают. Вдруг чуют, дерьмом запахло, тут гонец и пожаловал да такие слова от Ольги привез:

— Выйду я за тебя, князь Мал, но сперва возле Искоростеня хочу тризну справить по погибшему мужу моему Святогору. Приходи и ты, князь Мал, приводи своих друзей, приноси останки князя киевского. Справим тризну великую, тогда и замиримся.

А останки давно уж вороны склевали.

Вот так тризну Ольга справила! Кто пришел из древлян – почитай, полгорода – был зарезан, лишь один князь Мал отбилсЯ да спас сына своего Добрыню, укрылся в Искоростене. Всех древлян убитых в кучу свалили, сверху Ольга сердце Игоревое положила. Сердце тут возьми и перестань кровоточить. А поверх сего велела Ольга насыпать курган.

Подшло наутро войско Ольгино ко граду Искоростеню. По обычаю малый князь Святослав Игоревич первый битву начал: бросил в сторону городских стен копьё, да не вырос еще Святослав для битв, пролетело его копьё меж ушей у коня и воткнулось тут же в снег свежесвыпавший. Знак плохой был, да Ольгу разве этим остановишь. Осадили Искоростень. Ощетинился город в ответ – не возьмешь. Как ни билась Ольгина дружина – ничего не выходит, больно крепко стояли древляне, да жены их, да малые детки. Пролетела зима в осаде. Все-то веси окрест пограбили, стало нечего войску есть. А в том Искоростене не голодают – там полны закрома. Видят со стен искоростеньских, снялась Ольгина рать, собралась уходить. Напоследок кричит Ольга, каждое слово ее в городе слышали:

— Не видать вашему князю меня в женах, как и мне не владеть Искоростенем. Хватит и с меня и с вас. Отомстила я три раза – и будет. В первый раз – закопала живьем ваших лучших мужей; во второй раз – новых сватов сожгла заживо; а в третий раз – на тризне мужа своего душу утешила. Ухожу я со своим войском, да потребую лишь в знак замирения дань пустую, малую. Соберите с каждого двора по два голубя да по два воробья – кушать нечего моей рати.

Подивились древляне такой дани, да уж больно велика была их радость. Ведь и впрямь уже три раза отомстила княгиня, натешилась. Принесли птиц Ольге к вечеру. Тут велела Ольга привязать к птичьим лапам по труту. Подожгли труты и пташек отпустили. Полетели воробьи

да голуби под свои родные крыши, забились под застрехи. Запылал весь город и сгорел дотла, и древляне многие сгорели.

Сам же Мал, древлянский князь, исчез, убежал, видать, да оставил Ольге своих детушек: Добрыню восьми лет и Малушу – десяти. Взяла Ольга их к себе в услужение. Покорила она древлян, дань тяжелую наложила, да ввела погосты и уроки, чтобы дань сама к ней отныне текла. А за те злодейства и за хитрость стали прозывать ее в народе змею.

А она – и впрямь змея – не унимается. Поселилась рядом с Киевом в Вышгороде и давай там беспутничать да злодействовать. Бабья сила в ней забурлила, выхода требует. Что ни вечер, присылают ей из Киева трех мужей на растерзание, не простых мужей – богатырей. Ни один из них не возвращается. Кто под ней умрет от мук нестерпимых, кто – уже под утро. А бывало, кто выдерживал, заточали того обессиленного в пещеры под Вышгородом да отхаживали, чтобы снова к Ольге-змее отвести. Уж вторую-то ночь с ней никто не мог сдюжить.

Осерчали на такое злодейство боги славянские. Одним утром по осени вдруг погасло солнце ненадолго. Потемнело вокруг, тихо стало, каждый зверь лесной, каждая птичка да травиночка притаились. Говорили люди, то Ольга-змея солнце схватила, да оно, лучезарное, вырвалось. И с тех пор пошло: что ни год – недород, что ни лето – дожди, одна гниль в земле, и есть нечего.

А змея себе усмехается:

— Раз не любя я богам, то и мне они не нужны, – и велела убрать капище из Вышгорода, да давай по-прежнему злодействовать. Стали про нее в народе сказывать: коль по три мужа змея берет, то и три срамных места у нее, а где три срамных места, там и три головы.

Как проверить такое? Кто видел ее нагишом, тот умирал неминуемо.

Испугались мужчины, разбежались: кто по дальним весям попрятался, кто в Хазарию подался, кто – в Царьград. Лишь хромые, слепые да немощные остались – тем не страшно. Да кому Русь защищать? Некому. У самой Ольги дружина новая, невиданная: набрала она к себе в дружки девушек-поляниц – как одна все в плечах широки да грудасты – и те зверствовали самой змеи не меньше: по городам, по весям для княгини мужчин искали.

Перевелись богатыри на Руси.

Чтоб в Хазарии о том не прослышали да еще тяжелее дань не взвалили, посылает змея Ольга посольство во Царьград: «Мол, мы были с вами врагами, а теперь давайте союзничать. Вот вам в знак замирения ожерелье царевны вашей бесценное. Присылайте своих воинов на защиту моей стороны. Сил накопим, пойдем вместе на Хазарию».

Греки думали недолго, отвечают: «Мы и воинов пришлем, и свет на землю русскую, что в религии нашей обретает – нет защиты надежнее. Читите бога нашего Иисуса Христа, а своих богов прогоните, наш, де, бог, Иисус Христос, не терпит чужих с собою рядом».

Тут смекнула Ольга-змея: их-то греческий бог кроток, не мешает он грекам вершить грехи тяжкие. Отвечает она согласием: «Наши боги давно мне не любы. Не могу я, великая княгиня, сносить их ненависти. Слишком часто они в мои дела лезут, учат жить по-своему, по старому, а страдает от этого вся Русь».

С той поры наехали греческие воины и попы, да давай для своего бога хоромы строить по всему Киеву. Не пошел их бог на капище. Не понравилось это славянам: как же так, говорят, наше капище для любого бога открыто, поклоняйся, кому желаешь, а что у тех хазар-иудеев, что у этих греков – свои божества, ревнивые да корыстолюбивые. Но заметили тут некоторые люди, кто посметливее: не берет змея христиан во заложники – не может. И давай эти, шустрые, креститься, веру менять, на старых своих отцовских богов плевать.

И пошли верные славяне испросить совета у великих ладожских волхвов-старцев:

— Что же делать нам, горемычным? Уж сто лет да зим прошло, как схватили нас вороги. Кровь-то пили они нещадно, но богов не отнимали, поклонялись и своим, и нашим. А теперь

вот Ольга-змея, кою наши боги прокляли, хочет бросить их в полымя да заставить нас принять новую веру.

Усмехнулись волхвы ладожские, старички белые бороды:

— Пока есть в ваших душах боги, их не выкорчуеть, не выжжешь пламенем. Раз пришли вы за советом да недовольны, то полбеда. А сама беда впереди, когда дети и внуки ваш прах развеют и забудут, огалделые, своих богов. А сейчас, знать, не все так плохо. Подрастает наследник Игорев, он и вас спасет и богов. Одного только мы боимся: не согрешил бы он со своею сестрою родною, отчего появится на земле изверг не чета всем ныне живущим.

А какая сестра у Святослава Игоревича, не сказали волхвы-прорицатели. Ведь один Святослав у Ольги, нет ни брата у него, ни сестры, и за все беспутства боги Ольгу больше детьми не награждают. Поразмислили так славяне и не поняли, откуда беды ждать. Думают, и на старуху бывает проруха, и волхвы могут ошибаться, ведь стары. Невдомек простым людям было, что кудесники видят то, что другим не увидеть, и не только то, что будет, но и что было, да быльем поросло.

Подрастал тем временем княжич Святослав. Стукнуло ему двенадцать весен. Был он ловок и силен не по летам – в мать. Мог он сутками не есть пищи, на коне мог скакать три дня и две ночи; мог под голову седло положить, попоной конской укрыться и выспаться на сырой земле-матушке да еще и силы от нее за ночь набраться. А от старого родителя своего, Игоря, ничего не унаследовал. Пуще же всего не любил Святослав пряники.

Собрались вокруг княжича ровесники, все – сироты, чьи отцы во чужих землях дань кровью заплатили. И горели у них с детства глаза местию, когда видели они иудея хазарского или грека. Верховодил наравне со Святославом его друже, Малов выкормыш, Добрыня. Был единственный на пять годов он старше княжича да на пять вершков шире в плечах. В остальном же Святослав ему не уступал.

И росла на том дворе сестра Добрыни, вместе с ним от князя Мала Ольгой отнятая, девушка Малуша. Было ей в ту пору осьмнадцать лет. Расцвела она такой красотой неписаной, что нельзя было от нее глаз оторвать, и сворачивали молодцы шеи, и псы к ней на зависть молодцам ластились. А как – весна и до поздней осени привлекала она к себе пчел шмелей и бабочек, и летали букашки вокруг нее, верно, думали, что это цветок невиданный. Как взяла их с Добрыней Ольга из родного дома разоренного, так и поставила Малушу, княжью дочь, к себе в сенные девки. А Малуша гордыню смирила, кротким нравом своим, работающими руками и мудростью не по летам снискала себе уважение. Ольга души в ней не чаяла, сделала Малушу к осьмнадцати годам ключницей. Заправляла с тех пор дочка Ольгиного врага всем хозяйством княжеским и ни разу о плохом не вспомнила.

Разве может солнце красное поутру из-за леса не выйти, разве может соловей в ночь лунную не запеть, разве мог княжич Святослав в красну девицу Малушу не влюбиться?

Вот гуляла как-то Малуша по лугам раздольным близ Вышгорода, собирала цветы ко князьему столу, а вокруг нее, как повелось, осы с пчелами, да шмели, да бабочки кружились, на цветы в руках красавицы садились, нектар пили да Малушу охраняли. Подстерег ее Святослав. Был он честен с малых лет и готов был взять ее во супруги. Тут об этом ей и поведал. Усмехнулась девица на такие княжичевы слова:

— Али думаешь, позволит матушка твоя, великая княгиня, взять тебе в супруги рабыню. Мал ты, княжич, еще, неразумен. Я ведь старше тебя намного, а тебе суждена какая-нибудь греческая княжна-ровесница.

— Кабы думать я мог, о чем другом, – отвечает ей Святослав, – может, смог бы тогда я быть разумней.

И другие ласковые слова говорил княжич, уговаривал. Раскраснелась Малуша от стыда, от любви. Куда денешься посеред высокой травы от доброго молодца. Улестил Святослав девицу, своего добился, не спасли ни осы, ни пчелы. Понесла в тот же час Малуша.

В тот же час и Ольга о том прознала. Призвала Малушу пред свои грозны очи, разгневалась:

— Как ты смела, рабыня, окрутить, опоясать княжича малого! Не видать тебе отныне света белого, а родишь ты урода!

И отправила Малушу в темницу, дожидаться родов младенца.

Прослышал Святослав, что пропала Малуша, побежал к своей матери да как стукнет кулаком по столу:

— Возврати, – говорит, – мою суженную!

Отвечает Ольга-змея:

— Коли ты на девок-рабынь заглядываешься да на мать кричишь, по столу стучишь, знать, и впрямь ты вырос, достиг зрелости. Отправляйся-ка тогда ты на радимичей, отбери их от хазарского хагана. Хватит русским землям под пятой хазарской лежать. А потом посмотрим, как с твоею суженою быть.

Родила Малуша по весне мальчика – не урода, не убого, как Ольга вещала, – прозвали его Владимиром. Вот прослышала Ольга-змея, что стала она бабкою, отняла младенца у матери, а саму Малушу приказала утопить во Пучай-реке.

Святослав в походе задержался. Не пускал его запах ненависти: то радимичи в одной веси не хотят покориться, то другая весь на своих же славян встанет. Иудеи хазарские деньгой подначивают да страшат зверствами Ольгиными. Долго ль коротко ли, покорила Святослав радимичей, взял с них дань и вернулся в стольный Киев-град. Да уж поздно.

Сразу к матери пошел:

— Возвращай мою суженную, матушка. Я по ней уж больно соскучился.

На то Ольга ему отвечает:

— Твоя суженная ушла к своему батюшке, а тебе вот оставила подарочек, – и протягивает княжичу сына.

Посмотрел Святослав на младенца, да ведь сам еще не вырос, что с ним делать, не знает. Отдал обратно матушке.

— А где есть Малушин родитель? Разве жив он, не помер? – спрашивает.

Посмотрела Ольга на сына, испугалась: разве можно с таким шуточки шутить – враз голову с плеч снимет, не посмотрит, что мать. Да ведь слово вылетело – не воротишь. Решила Ольга дальше кривить:

— Как сгорел Искоростень-град, так тело князя Мала не нашли, зато сыскали ход тайный из палат княжеских да в темен лес. Знать ушел он во Хазарию, больше некуда.

Так Ольга сыну сказала, но не знала и сама, что правду говорит.

А Добрыня, кой со Святославом в поход ходил, прознал о смерти сестры от Ольгиных девок. Сказали они ему, что сама она в омут бросилась, да еще наказали, княжичу ничего не говорить. Пошел Добрыня с горя на Пучай-реку покручиниться. Тут вдруг слышит, зовет его Малуша со дна реки:

— Братец милый, вызволи. Тяжел камень ко дну придавил, руки, ноги травы опутали.

Разделся Добрыня, бросился в воду, да Пучай-река глубока, до дна не достанешь.

Той порой по берегу Ольга-змея в коробочке проезжала. Смотрит, молодец в речке купается. Подивилась она его стати, его силою залюбовалась. Приказала, ненасытная, своим девкам-поляницам:

— Приведите-ка его ко мне. Буду я любить его этой ночью.

Бросились в реку девки-поляницы. Увидел их Добрыня и княгиню на бережку увидел. Догадался обо всем, испугался. Эта Ольга-змея отца погубила, а теперь и его, Добрыню, хочет со свету сжить. Да оружие, меч с доспехами на бережку остались... Что делать?

Переплыл тогда Добрыня реку и укрылся в греческом хороме, что на другом берегу на холме стоял. Просит греков:

— Спасите!

Греки молвят, помогать не торопятся:

— Можем мы спасти тебя, молодец, коль захочешь ты надеть шапку земли греческой. Станешь ты с тех пор не просто верующим во единого истинного бога Иисуса Христа, будешь ты с тех пор его сыном, примешь сан монашеский.

Делать нечего Добрыне, поляницы уже подбегают. Надел шапку земли греческой, посвятил себя чуждой вере. Говорит во всеуслышание, как было велено:

— Верую во святого отца, во святого сына и во святого духа!

Тут и Ольга в хором греческий заходит – переплыла в лодочке через реку. Видит, что с Добрыней случилось, облизнулась только, да не стала с греками ссориться. Говорит Добрыне:

— Святослав теперь от тебя отвернется, он не любит христианскую веру. Ну а я тебя приголублю, найду тебе дело. Будешь ты у своего племянничка Владимира во дядьях ходить, будешь ты его воспитывать. Сделай мне из него наследника, как по вере новой тебе заповедуют, чтобы был он не чета своим отцу и деду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.